

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ
“ЖИТИЯ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО”

До сих пор в науке не сложилось определенного мнения о времени написания Нестором, иноком Киево-Печерского монастыря, “Жития Феодосия Печерского”. Решение этой проблемы важно не только для восстановления истории написания самого “Жития”, но и для датировки предшествовавшего ему “Чтения о Борисе и Глебе”, поскольку в помещенной в “Житии” авторской ремарке Нестор заметил: “Благодарю тя, Владыко мой, Господи Иисусе Христе, яко съподобилъ мя еси недостойнаго съповедателя быти святымъ Твоимъ въгодникомъ, се бо испърва писавъшю ми о житие и о погублении и о чудесьхъ святою и блаженою страсотръпъцю Бориса и Глеба, понудихъ ся и на другое исповедание принти, еже выше моя силы, ему же и не бехъ достоинъ...”¹ Возникает вопрос: были ли оба сочинения написаны между 1081 и 1088 г., как полагал А.А.Шахматов², или же после 1108 г., как думал С.А.Бугославский³ и ныне считает А.Г.Кузьмин⁴?

В своих рассуждениях о датировке “Жития Феодосия Печерского” С.А.Бугославский отталкивался от вышеприведенного указания Нестора о последовательности написания им житий: “Чтение о Борисе и Глебе” предшествовало “Житию Феодосия Печерского”. Поэтому он и сосредоточил свое внимание на датировке “Чтения”, которое, по его мнению, всецело зависело от анонимного “Сказания о Борисе и Глебе”. Поскольку же, как показали его небезосновательные разыскания, “Сказание” было написано не ранее 1108 г.⁵, то, соответственно, и “Чтение” не могло появиться до этого времени. Отсюда следует заключение о времени создания “Жития”: “Житие преп. Феодосия, как известно, написано после Чтения, т.е. после 1108-го года...”⁶ В свое время А.А.Шахматов обстоятельно рассмотрел доводы С.А.Бугославского о зависимости Чтения от “Сказания” и не согласился с ними. По его мнению, оба сочинения Нестора были написаны между 1081 и 1088 годами, “Сказание” же (в окончательной редакции) — после 1115 г.⁷ Подводя итог своим рассуждениям, он пишет: “...Я остаюсь при прежнем мнении о том, что литературная деятельность Нестора началась в восьмидесятых годах XI столетия. Как видно из слов самого Нестора в конце Жития Феодосия, он пришел в Печерский монастырь при игумене Стефане (1074—1078); при Стефане он был возведен в диаконский сан; едва ли Нестор оставался диаконом в течение последующих трех десятилетий; однако Житие Феодосия умалчивает о возведении его на

высшие духовные ступени; Нестор писал Житие Феодосия в сане диакона; следовательно, оно писано не после 1108 года, а гораздо раньше. Нестор, как указано, не упоминает в Житии Феодосия об обретении его мощей, не упоминает также о смерти игумена Никона и избрании нового игумена Иоанна (1088), не говорит ни о поставлении бывшего игумена Стефана епископом владимирским (это утверждение А.А.Шахматова ошибочно, см. примечание 2.— А.У.), ни об его смерти, не сообщает, наконец, об освящении основанной Феодосием церкви. В Житии Феодосия нет ни одной черты, обличающей время после 1088 года; ввиду этого признаю Чтение о Борисе и Глебе и Житие Феодосия составленными между 1081 и 1088 г.»⁸.

Несмотря на то, что его доводы не были достаточно аргументированно отклонены оппонентами, в одной из последних своих работ об источниках "Повести временных лет" (опубликованной уже после смерти ученого), А.А.Шахматов неожиданно замечает: "...ссылка Нестора на житие Вячеслава доказывает, что оно было известно в Киеве до 1109 г., когда Нестор составлял свое чтение о мучении Бориса и Глеба"⁹.

В этом заключении, как видно, А.А.Шахматов обобщил и свои наблюдения, и С.А.Бугославского: Нестор писал "Чтение" до 1109 г., что не исключает и датировку "Чтения" 80-ми годами.

Однако это обобщение А.А.Шахматова дало повод уже современному ученому А.Г.Кузьмину утверждать, что А.А.Шахматов в конечном итоге согласился с мнением оппонента: "В тексте Чтения о Борисе и Глебе он (т.е. С.А.Бугославский.— А.У.) обнаружил признаки, позволившие отнести сочинение к 1108 году". А.А.Шахматов сначала не согласился с этой датой, но затем принял ее. Перестроить же схему в целом он не успел"¹¹. Это попытка сделать сам А.Г.Кузьмин. Однако его доводы, построенные не на конкретных фактах пусть даже "отрицательного" порядка (т.е. не упоминание Нестором событий, произошедших после 1088 г., на чем строил свою гипотезу А.А.Шахматов), а на их "допустимости", не выглядят убедительными.

Три рассуждения А.Г.Кузьмина однотипны. Он рассматривает сообщения Нестора в "Житии" о послужных списках питомцев Перечерской обители. Говоря о поставлении Ефрема митрополитом в Переяславль после его пребывания в одном из константинопольских монастырей, Нестор замечает: "Послеже изведень бысть и въ страну сию и поставленъ бысть митрополитъмь въ городе Переяславлѣ"

---

* "...Мы пришли к заключению, что преп. Нестор пользовался статьей Сказания, написанной не ранее 1108 года. В крайнем же случае, не раньше Любечского съезда"¹⁰, то есть 1097 г. Таким образом, вопрос опять сводится к зависимости "Чтения" от "Сказания".— А.У.

(с. 328). Аналогично его сообщение о поставлении игумена Дмитровского монастыря Исаяи “послеже добрых ради нравъ его, поставленъ бысть епискуптъмъ Ростову городу” (с. 340). Мало чем отличается и сообщение об игумене Печерского монастыря Стефане, “таче по том епискупу въ Володимирьскую оболость” (с. 342). Поскольку поставление Ефрема в митрополиты произошло около 1077–1078 гг., Исаяи — до 1089 г., Стефана — не позднее 1091 г., то А.Г.Кузьмин полагает, что об их поставлении говорится “как о сравнительно отдаленном прошлом, что ведет ко времени после 90-х годов XI столетия”¹².

Однако во всех трех цитатах очевидным фактом является только тот, что о поставлении в митрополиты говорится в прошедшем времени. Но он увы, не указывает когда произошло событие: месяц, год или десять лет назад. Даже в рассказе о вчерашних событиях будет употреблено прошедшее время. Так что в данном случае глагольная форма прошедшего времени не указывает на само время события.

Столь же не убедительны рассуждения А.Г.Кузьмина и по поводу умолчания Нестора о кончине Стефана в 1094 г., человека им особо почитаемого — постригшего его в монахи и поначалу духовно его окормлявшего: “Нестор не говорит о кончине учителя, возможно, как раз потому, что произошло это сравнительно давно”¹³. Если учесть, что Стефан был для Нестора духовным отцом, постригшем его в монахи, и что Нестор не проминул написать о еще более давних событиях, как его епископство, то куда более логичнее полагать, что во время писания “Жития” Нестором его духовный наставник был еще жив. То есть, молчание Нестора о “кончине Стефана” нельзя объяснить давностью события. Утверждение это не убедительно. Как увидим ниже, Нестор не забывал о Стефане и в более поздних своих сочинениях.

“Примечательно, — пишет далее А.Г.Кузьмин, — что в Житии выступает не названная по имени жена Изяслава, отговаривавшая князя от намерения раскопать пещеры. Нестор называет ее глухо; близко он ее, видимо, не знал. Но вдова Изяслава умерла только в начале 1108 года. Вокруг сестры польского короля, супруги Изяслава и матери Ярополка группировалась, несомненно, часть феодалов прозападной ориентации. В данном случае речь может идти либо о своеобразной реабилитации княгини, неоднократно менявшей религиозную принадлежность, либо о таком времени, когда эти факты за давностью уже не имели политического звучания”¹⁴. Даже по замечанию самого А.Г.Кузьмина видно, что и этот пример не однозначен и возможно двоякое его толкование. Но есть и третье: “глухость” Нестора в названии жены Изяслава можно объяснить отрицательным отношением Печерской обители к католикам-полякам, выраженном еще в послании самого Феодосия Печерского к Изяславу “О вере латинской”¹⁵.

И, наконец, последний довод А.Г.Кузьмина. “Можно обратить внимание, — пишет он, — и на косвенные признаки датирующего характера — рассказы о “чудесах”. “Чудеса”, которыми наполнены *Жития*, обычно вымышлены и, естественно, появляются тогда, когда нет уже живых свидетелей, которые могли бы разоблачить вымысел или просто выразить недоверие... Нестор же, видимо, писал в такое время, когда место живых свидетелей начала заменять легенда”¹⁶. Это утверждение историка опровергает сам Нестор в пересказе чуда исцеления святыми страстотерпцами Борисом и Глебом сухорукой жены, услышанного им от нее самой: “Въ единъ же отъ днйи, ишедъшу ми некоего ради орудия въ градъ и седъшу ми на единомъ месте, и се пришедъши некая жена седе близъ мене, ея же несмь зналъ даже и доньше... Поведа ми яже о святоу и о святемь отци Николе, и о блаженую страстотерпцю Борисе и Глебе, еже ныне азъ поведе вамъ...”¹⁷. Далее следует пересказ рассказа женщины об исцелении ее руки у раки св. Бориса и Глеба по ее молитве в день Успения Пресвятой Богородицы. И еще раз, в конце сюжета, Нестор замечает: “Се же все исповеда ми сама седящи, яже бе с нею”¹⁸. К этому добавлю, что в церковной практике существует непреложное правило собирать свидетельства о чудесах у мощей святых только у участников или очевидцев событий. Таким образом и этот пассаж А.Г.Кузьмина не может служить доказательством позднего написания “*Жития Феодосия Печерского*”.

Тем не менее, перечислив все вышеизложенные доводы, историк констатирует: “Итак, многочисленные признаки не позволяют отнести *Житие Феодосия* к 80-м годам XI века, а некоторые данные (надо полагать, эпизод с женой Изяслава. — А.У.) ведут и ко времени после 1108 года”¹⁹. Получилось, что отказывая в правомерности привлечения “в качестве датирующих признаков” «данные “отрицательного” порядка» А.Г.Кузьмин не привлек для опровержения аргументов А.А.Шахматова и Д.И.Абрамовича никаких конкретных фактов, а строил свои рассуждения на возможных посылах. Такая позиция исследователя не выглядит убедительной.

Обратимся к самим произведениям Нестора, помятуя о том, что он любил оставлять в них автобиографические сведения.

Обратим внимание на замечание Нестора, которое, как мне кажется, существенно помогает уточнить время его работы над “*Житием Феодосия Печерского*”, помещенное в конце произведения: “Се бо елико же выше о блаженемь и велицемь отци нашемь Феодосии оспытовая слышахъ от древньиныхъ мене отецъ, бывъшихъ въ то время, та же въписахъ азъ грешьнии Несторъ, мьнии всехъ въ монастыри блаженаго и отца всехъ Феодосия”²⁰.

Нельзя ли эти слова Нестора понимать так, что он, самый младший в монастыре по возрасту (“*мьнии всехъ*”) монах, расспрашивал старших за себя (“*древньиныхъ мене*”) отцов-иноков Печерской обители о Феодосии и выше изложил услышанное?

И.И.Срезневский в "Материалах для словаря древнерусского языка" в комментариях к словам "мьнии-мнии-меньшии" дает первым именно значение "младший по возрасту" со следующим примером: "Човекъ некий име двѣ сына, и рече мьнии сынъ ею"²¹.

В словах Нестора отчетливо прослеживается сравнение, точнее — противопоставление возраста его самого, записавшего рассказы о Феодосии, и возраста монахов, от которых он эти рассказы слышал.

Если бы Нестор хотел самоуничижением подчеркнуть свое "низшее" положение в монастыре (и такое значение может иногда иметь слово "мьнии"), то, возможно, была бы в этой антитезе иная пара слов: "Старей — мьнии": "Аще кто хоцетъ старей быти, да будетъ всѣхъ мьнии и всѣмъ слоуга"²². Хотя и в такой антитезе сохраняется указание на юный возраст: "Рекшу бо Юсифу къ Іакову: на семь отче положи десницу, яко съ старей естъ. Отвеща Іаковъ: веде чядо, веде... нъ братъ его мьнии болии его будетъ"²³. У Нестора же противопоставлялись слова "древьнихъ — мьнии", то есть в возрастном значении.

Кстати сказать, Нестор и в "Чтении" использует трижды слово "мьнии" в значении "младший по возрасту", усиливая его другим — "уней": "Сий Давыдъ (христианское имя Глеба — А.У.) мьний (вар. — менший) бе въ братъи свои и уней (вар. — юнейший) в дому отца своего"²⁴. То есть, меньший (младший) среди братьев и самый молодой в доме*.

В этом пассаже Нестора не может быть иного толкования слова, поскольку очевидно, что он не только говорит о юном возрасте Глеба ("Бе же Глебъ велми детескъ"²⁶), но и всячески подчеркивает этот юный возраст святого, сравнивая Глеба с юным Давидом: "Святому же Глебови створено имя Давыдъ. Видиши ли благодать Божию изъмлада на детици? Створиша бо, рече, имя ему Давыдъ: како или кымъ образомъ? Не им же ли: онъ бе мьний въ братъи своей (т.е. младший — А.У.), тако же и сий святыи. Яко же бо и самъ пророкъ свидѣтельствуеть, глаголя: "мьний бе въ братъи мои и уний (вар. — юнейший) въ дому отца моего" и прочее; тако же и сий Давыдъ мьний (вар. — менший) бе въ братъи свои и уней в дому отца своего"²⁷.

---

* Этот пример к слову "мьнии" в значении "низший по положению, рангу, достоинствам" приводит "Словарь русского языка XI—XVII вв."²⁵. Да, если учитывать православный уклад жизни, в котором младший брат должен почитать старшего (и Глеб это продемонстрировал своей кончиной), то такой семантический оттенок присутствует в слове. Однако в Несторовом тексте говорится, прежде всего, о возрасте Глеба (и всячески подчеркивается его юный возраст), но никак не о его "положении, ранге, достоинствах": он — князь и у него равные с другими братьями-князьями "положение, ранг и достоинства".

Важно здесь отметить, что в украинском языке XIV–XV вв. основное значение слова “меньший” было именно как “младший”: “И я есми поделил ся з братомъ своимъ меншымъ со княземъ Семеновъ Избаразким самъ своею волею доброю...”²⁸. И в современном украинском языке сохранилось только возрастное значение слова “меньший” при характеристике человека: “Менша сестра літ не дійшла” и т.д.²⁹.

Стало быть, и в общей практике, и, что для нас важнее, практике Нестора слово “мньий-меньший” имело возрастное значение. То есть, говоря о себе “азъ... Несторъ, мньии вьсехъ в монастыри”, печерский агиограф подчеркивал, прежде всего, свой молодой возраст, но никак не свое “меньшее положение”, ибо чуть ниже сам сообщает о своем чине дьякона.

На отстаиваемое толкование смысла фразы указывает еще одна Несторова антитеза из “Жития Феодосия Печерского”, в которой он сравнивает (в противопоставлении) себя на сей раз со старейшим Никоном, а не всей братией.

Чуть выше приведенных слов Нестора о себе (в том же столбце по “Успенскому сборнику”), он так говорит о Никоне: “яко же томоу (Никону) — А.У.) старейшую соуцю вьсехъ, се бо и блаженнии отецъ нашъ Феодосий от того роукоу пострижения съподобися”³⁰.

Это сравнивающее противопоставление “старейшего вьсехъ” игумена Печерского монастыря Никона и “мньии вьсехъ” в монастыре инока Нестора очень заметно.

Сравнение с “великим Никоном”, известным книжником, может свидетельствовать о честолюбии молодого монаха (сомневаюсь, чтобы такое сопоставление допустил уже умудренный на старости лет монах-летописец Нестор, проживший жизнь “не славы ради мира сего”), а не его смиренности (автобиографические вкрапления в жития святых угодников Божиих говорят, в принципе, о том же). Поэтому антитеза и оказалась умышленно растянутой, но все равно очевидной: Нестор рассказал об избрании в игумены старейшего (по возрасту!) Никона, и затем поведал и свою историю с поступлением в монастырь. Такое сравнение в духе Нестора. Вспомним, что он первым в древнерусской литературе стал указывать свое имя в агиографических сочинениях, вносить в них автобиографический элемент. А ведь это было нарушением традиций византийской агиографии. Поэтому ничего нет удивительного в том, что молодой Нестор, как он сам признавался, “множьствъмъ греховъ напльненъ сьи от уности” не устоял еще перед одним и подчеркнул свой молодой возраст.

Нестор родился около 1056–57 г., ибо 17-летним юношей пришел послушником в Печерскую обитель еще при жизни Феодосия, умершего в 1074 г., и вряд ли бы написал после 1108 г., когда ему уже было за 60 лет, а число монахов перевалило за сотню, что он “мньии вьсехъ” — младший по возрасту в монастыре.

Есть и еще одно свидетельство Нестора и оно, пожалуй, самое главное в датировке обоих житий 80-ми годами.

Как известно, помимо "Жития" Феодосия Печерского, умершего в 1074 г., Нестор написал и еще одно сочинение, связанное с его именем — "Слово Нестора, мниха монастыря Печерьскаго, о пренесении мощемь святаго преподобнаго отца нашего Феодосия Печерьскаго".

Поскольку Нестор сам явился непосредственным участником этого события и описал его по своим впечатлениям, ни у кого из ученых не вызывает сомнения время появления этого небольшого "Слова" — вскоре после самого события, произошедшего, как указал сам Нестор, во вторник 12 августа, за три дня до праздника Успения Пресвятой Богородицы — покровительницы монастыря — в 1091 г.

Совершенно очевидно, что если бы Нестор писал "Житие Феодосия Печерского" после 1091 г., а тем более после 1108 г., как полагал С.А.Бугославский и считает А.Г.Кузьмин, то обязательно включил бы в "Житие" и описание перенесения открытых мощей преподобного Феодосия, как он это сделал в случае с обретением и перенесением мощей святых Бориса и Глеба и во времена Ярослава Мудрого, и уже его сыновьями в 1072 г. Наоборот же, отдельное существование "Слова о перенесении мощей", на мой взгляд, может свидетельствовать о более позднем его написании относительно "Жития" и как самостоятельного дополнения к нему. На такое его положение указывает и место "Слова" в "Киево-Печерском патерике", где оно следует за "Житием Феодосия Печерского", но не объединено с ним.

В "Житии Феодосия Печерского" сообщается о закладке Феодосием и Антонием в 1073 г. Успенского собора в Печерском монастыре, который был достроен уже Стефаном в 1078 г., но "Житие" не сообщает, как верно заметил А.А.Шахматов, о его освящении. Известно, что собор долго не освящали, и это произошло только в 1089 г. при митрополите Иоанне II. Стало быть, "Житие Феодосия Печерского" было написано до этого знаменательного и для монастыря, и для Феодосия события, ибо в "Слове на перенесение мощей", датированном 1091 г., сообщается, что мощи преп. Феодосия были положены в Успенском соборе, то есть он уже был освящен.

В своих творениях Нестор постоянно вспоминает преемника Феодосия на его игуменском посту Стефана, принявшего будущего агиографа в монастырь и постригшего в монахи после послушничества, причем в обоих случаях приводит его послужной список:

"...преподобьнууму отьцю нашему Стефану, екснарху тьгда сущю, послеже же игумену сущю того монастыря по съмрьти блаженааго Феодосия, таче по томь епискупу въ Володимирьскую оболость" ("ЖФП")³¹.

Прежде чем привести соответствующую цитату из “Слова о перенесении мощей” хочу обратить внимание на весьма важное обстоятельство: в каждом своем последующем произведении Нестор упоминает предыдущее. В “Житии Феодосия Печерского” он сообщил, что прежде него написал “Чтение о свв. Борисе и Глебе”, а в “Слове на перенесение мощей” он упоминает “Житие Феодосия Печерского”:

“Досточюдный же именитый Стефан, яже преже реченый въ житии блаженаго, иже бысть в него место игумень, паки по отшествии из монастыря състави на Клове свой монастырь и по сем, благоволением Божиим, бысть епископъ града Владимиря, и в то время бывъ въ своем монастыри, виде в нощи чресь поле зарю велику над печерою. Мневь, преносять честныа мощи святаго Феодосиа,... в той час всяде на конь, вборзе женый къ печере, поим съ собою Климента, его же постави игуменом в себе место”³² (имеется ввиду монастырь на Клове).

Из этой ремарки Нестора совершенно очевидна связь и хронологическая последовательность двух его сочинений — первоначального “Жития Феодосия Печерского” и следовавшего за ним “Слова о перенесении мощей”. Если “Слово” создано сразу после описанных в нем событий (что, повторяю, ни у кого не вызывает сомнений) и знает о существовании “Жития” (я умышленно привел выше пространную цитату, чтобы показать логическую связь сообщаемых в ней событий и отсутствие позднейших вставок и редакторских правок), то, стало быть, “Житие Феодосия Печерского” не могло быть написано после “Слова”. Если же учесть, что оба произведения Нестора не содержат сообщения о кончине епископа Стефана 27.04.1094 г., то логично заключить, что они были написаны до этого печального события. Но поскольку в “Житии Феодосия Печерского” Нестор не описал и торжеств по перенесению мощей преподобного 14 августа 1091 г., а создал специальное “Слово”, то это значит, что “Житие Феодосия Печерского” было написано до 1091 г.

Об этом свидетельствует и очевидная вставка в “Слово”, носящая черты летописного сообщения (ср. с “Повестью временных лет” под 1108 годом) и повествующая о просьбе игумена Феоктиста к князю Святополку о включении имени преп. Феодосия в синодик для общерусского поминания. Это важное для прославления святого событие произошло в 1108 г.

Из “Слова” очевидно, что местное почитание преп. Феодосия началось вскоре по его кончине. Обретение мощей святого в 1091 г. и установление их в Успенском соборе монастыря для почитания прямо свидетельствуют об этом. Почитание святого без службы не возможно. Поскольку торжественное перенесение мощей произошло 14 августа (“и тако праздноваша светло тый день”), в канун праздника Успения Пресвятой Богородицы, а не на сам праздник, это значит,

что 14 августа была отслужена специальная литургия святому. То есть, в 1091 г. уже существовала служба преп. Феодосию Печерскому. Но как свидетельствует церковная практика (и история канонизации свв. Бориса и Глеба это подтверждает) службу святому обязательно дополняет его житие, ибо оно, согласно церковному уставу, должно читаться в этот день. Стало быть, необходимость в житии преп. Феодосия была уже в 1091 г. (тем более ко времени включения в синодик). Об этом, кажется, и "проговаривается" автор вставки: "Святополкъ же рад бывать, обещася сътворити, съведый же житие его (т.е., надо полагать, ознакомившись с житием его — А.У.), и нача Святополкъ поведати всемь житие преподобнаго Феодосиа"³³.

То есть совершенно очевидно, что "Житие Феодосия Печерского" было написано не только до включения его имени в общерусский синодик в 1108 г., но даже до 1091 г. — обретения его мощей и написания службы святому.

Исходя из вышесказанного, я не могу согласиться с мнением С.А.Бугославского и его последователей, в частности, А.Г.Кузьмина, что Нестор написал "Житие Феодосия Печерского", а, стало быть, и "Чтение о Борисе и Глебе" только после 1108 г., и поддерживаю раннюю точку зрения академика А.А.Шахматова — оба произведения были написаны Нестором не позднее 1088 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПЛДР. Т. 1. М., 1978. С. 304.

² Шахматов А.А. Повести временных лет. Пгр., 1916. Т. 1. Вводная часть. С. LXXVI-LXXVII. Правда, четвертый аргумент А.А.Шахматова — о неведении Нестора "о поставлении бывшего игумена Стефана епископом владимирским" не находит своего подтверждения, на что справедливо указал и А.Г.Кузьмин (с. 151). В "Житии Феодосия Печерского" Нестор об этом пишет прямо, см. цитату в конце статьи.

³ Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС, 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 131-186; Кн. III. С. 153-191.

⁴ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 133-155, 178-183.

⁵ Бугославский С.А. Указ. соч.. С. 132-174. Вопросу датировки "Чтения" и "Сказания" посвящены две мои работы: 1). К вопросу о времени написания "Сказания" и "Чтения" о Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы XI-XIV вв. Сб. 5. М., 1992. С. 370-412; 2). О времени канонизации и написания житий святых Бориса и Глеба // Древле-православный вестник. М., 1999. № 2, № 3 (в печати).

Сейчас можно с определенной уверенностью заключить, что "Сказание" действительно было написано после 1108 г., точнее, в 1115 г. и связано со службой на перенесение мощей свв. Бориса и Глеба 2 мая 1115 г. в Вышгороде (См.: Серегина Н.С. Песнопения русским святым. СПб., 1994) Однако "Чтение" никак не зависит от "Сказания", поскольку появилось гораздо ранее, не позднее 1088 г., и связано с установлением общерусского

почитания дня памяти святых 24 июля и службой, составленной на этот день митрополитом Иоанном II. Об этом я обстоятельно пишу во второй указанной мною статье.

- 6 Бугославский С.А. Указ. соч..., С. 174.
- 7 Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. LXVIII-LXXXVII.
- 8 Там же, С. LXXVI-LXXVII.
- 9 Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники. // ТОДРА, Т. IV. М. Л., 1940. С. 84.
- 10 Бугославский С.А. Указ. соч..., С. 168, прим. 3.
- 11 Кузьмин А.Г. Указ. соч..., С. 143.
- 12 Кузьмин А.Г. начальные этапы... С. 150.
- 13 Там же. С. 151.
- 14 Там же. С. 151.
- 15 Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI-XIII, СПб., 1992. С. 6-14.; 16-18.
- 16 Кузьмин А.Г. Указ. соч... С. 151-152.
- 17 Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и служба им. Пгр., 1916. С. 23.
- 18 Там же. С. 24.
- 19 Кузьмин А.Г. Указ. соч... С. 152.
- 20 Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971. С. 134.
- 21 Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 2. Ч. I. М., 1989. С. 227.
- 22 Там же. С. 228.
- 23 Молдован А.М. "Слово о законе и благодати" Илариона. К., 1984. С. 82-83.
- 24 Абрамович Д.И. Указ. соч... С. 6.
- 25 Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып 9. М., 1982. С. 89.
- 26 Абрамович Д.И. Указ. соч... С. 5.
- 27 Там же. С. 6.
- 28 Словник староукраїнської мови XIV-XV ст. Т. I. К., 1977. С. 585-586.
- 29 "Словарь української мови" под ред. Б.Д.Гринченко. Т. II. К., 1908. С. 417.
- 30 Успенский сборник. С. 134.
- 31 ПЛДР. Т. I. С. 342.
- 32 ПЛДР. Т. II. С. 444.
- 33 ПЛДР. Т. II. С. 446.